

“Слова “кинопроцесс” для меня не существует”

Валерий Тодоровский — Газете

Фильм «Мой сводный брат Франкенштейн», драматическое исследование «чеченского синдрома», был удостоен трех призов «Кинотавра» — Гран-при, а также наград за лучшую мужскую (Леонид Ярмольник) и женскую (Елена Яковлева) роли. С режиссером картины Валерием Тодоровским встретился корреспондент Газеты Игорь Потапов.

Было ли в том, как реагировала аудитория вашего фильма на премьере, что-то, к чему вы оказались не готовы?

Меня немного удивил сильный хохот в первые двадцать минут. Там, конечно, есть смешные вещи, но мне казалось, что они скорее должны вызывать улыбку, чем хохот. Может быть, произошло это потому, что в зале сидела какая-то подвыпившая компания. А может, потому, что фильм изначально дал сигнал: сейчас будет весело. Но потом я подумал и остался доволен: смех, в конце концов, это хорошее дело и дорогого стоит, и не всегда получится, даже если очень этого хотеть. А дальше, как мне показалось, люди включились и смотрели уже напряженно.

А вас не пугает, когда часть зрителей одобрительно посмеивается при виде милиционера, говорящего над побитым кавказцем: «Давить их надо — но по закону»?

Если это в контексте фильма, то не пугает. Потому что это часть того бреда, в котором мы существуем. Когда, с одной стороны, эти люди хотят их давить, а с другой — как бы «по закону». Таков и простой служака, который каждый день имеет дело и с продавцами арбузов, и с ветеранами чеченской войны. Все смешалось, и никто не знает, что с этим делать.

Персонажи Даниила Спиваковского и Сергея Гармаша — реальные ветераны или же воплощение гротескного представления обывателя о том, как ветеран должен выглядеть?

Там, безусловно, присутствует гротеск — и в изображении ветеранов, и во всем фильме. Герой Лени Ярмольника тоже немного гротесковый интеллигент. Такова уж была изначально выбранная нами стилистика. Когда этот гротеск начинал захлестывать — а такие моменты были, — я резко останавливал. Например, Гармаш, когда мы снимали первый дубль его монолога за столом, сыграл до такой степени смешно, что, я вам кланусь, валялась вся съемочная группа, оператору стало плохо. Он сыграл собирательный образ всех полковников, которых он за свою жизнь видел, а Гармаш очень талантливый, он мгновенно это ухватывает. Это была пародия, блистательно исполненная и моментально узнаваемая. Но, отсмеявшись, я ему сказал: «Все, Сережа, хватит. Теперь то же самое, те же слова, те же ухватки, та же ухмылка — но на пятьдесят градусов ниже».

Ваша картина может читаться как упрек городским жителям, живущим вдали от войны и не желающим впускать ее в дом.

Нет, это не упрек. Я себя причисляю к этим жителям и упрекать могу только себя. Это попытка рассказать историю войны с этой, с нашей, стороны. Мы уже видели в кино, как они воюют. Это попытка рассказать историю честно, не расставляя правых и виноватых. Может, это и будет воспринято как-то политически. Но в самом слове «война» многое заложено. Если рассказывать историю честно, получится в какой-то момент уход в социальность. Чего я не стыжусь, а чему на самом деле очень рад. Почему про это нельзя, собственно?

Для меня это история про безвыходность, про нас всех.

Многие говорят, что ваш фильм чуть ли не единственный здесь затрагивает действительно серьезные социальные проблемы...

Я не кинокритик, и слова «кинопроцесс» для меня не существует. Я смотрю фильмы



Валерий Тодоровский: «Я правильно делаю, снимая то, что мне хочется снимать в этот конкретный момент» Фото: ИТАР-ТАСС

своих коллег, какие-то мне нравятся, какие-то нет. Но я не ищу своего места в этом. Я считаю, что я правильно делаю, снимая то, что мне хочется снимать в этот конкретный момент, на этом этапе своей жизни. Два года назад мне захотелось снять фильм «Любовник», а теперь захотелось снять фильм «Мой сводный брат Франкенштейн». То, что это фильм современный и про жизнь — что ж, это моя жизнь, я в ней живу. Я что-то знаю в ней, что-то чувствую, что-то меня тревожит, от чего-то мне плохо или хорошо. А сейчас мне, например, очень захотелось снять костюмный фильм — красивый, яркий. До этого мне хотелось снимать про простых людей, которые ходят по улицам, ездят на подержанных «Гольфах», обменивают квартиры...

В американском кино много фильмов снято про людей с «вьетнамским синдромом» — вы какие-то параллели проводили?

Нет. То есть я это просто знаю, много видел хороших фильмов про это. Но когда ты делаешь фильм, то каждый раз — свой, конкретный. Когда начинаешь думать о параллелях, ничего путного не снимешь.

У нас в кино вы первым рассказываете об этой проблеме. Чувствуете ответственность?

Приятно, если я первый. А чувство ответственности... Наверное, нет. Я считаю, что я сделал честный фильм, а теперь я даю его на съедение всем. Кто-то захочет его есть, кто-то не захочет. Кто-то отвергнет, кто-то примет. Я не претендую брать на себя большее, чем ответственность режиссера, который потратил сто пять минут, определенное количество пленки и что-то сделал. Вот это моя ответственность. А дальше — берите, смотрите.

Ярмольник в вашей картине выступает и как актер, и как продюсер. Как эта ситуация выглядела на площадке?

Очень просто. Дело в том, что Леня, слава богу, обладает несколькими талантами. В том числе у него очень мощный организаторский дар. Я мало знаю людей, кото-

рые столь ответственно и четко могут организовывать что-то. И когда эта история возникла и я сказал ему, что хочу его снимать, он немедленно захотел играть этого отца. Мы стали думать, как искать деньги. И он сказал: «Давай я это возьму на себя». Зная его довольно давно, я понял, что если Леня говорит, то так оно и будет. У него есть своя фирма, замечательные помощники, у меня есть мои люди, которые заняты в производстве. Так что мы ударили по рукам и больше уже к этому не возвращались. Леня был артистом, и мы общались с ним как с артистом. Могу сказать, что как продюсер он четко выполнил свои обязательства. Мы ни дня не стояли, не было проблем с финансированием. Он взял на себя эту головную боль, за что я ему глубоко благодарен.

Как вы представляете себе прокатную судьбу картины?

Я ее представляю сейчас только одним образом: мне хочется, чтобы фильм прошел. Чтобы его посмотрело как можно больше людей, чтобы людям он понравился. Что касается деталей, то заниматься этим будет «Роскинопрокат», и на экраны фильм выйдет в октябре. Насколько широко, пока неизвестно, подробности утрясаются. Но главное, что прокатчик найден и срок определен.

газета

от катафалка до бригады

Валерий Тодоровский, сын известного советского режиссера Петра Тодоровского, родился в 1962 году в Одессе, в 1984 году закончил сценарный факультет ВГИКа. Режиссер фильмов «Катафалк» (1990), «Любовь» (1991), «Подмосковные вечера» (1994), «Страна глухих» (1998), «Любовник» (2002). С 2000 года — главный продюсер РТР по кинопоказу, создатель сериалов «Бригада», «Идиот», «Линии судьбы». Лауреат «Золотого Овна» и ТЭФИ.